

Стоило Сюэ Фэйфэну увидеть слезы на лице своей «супруги», как у него тут же разболелась голова.

На поле боя ему не раз приходилось видеть, как непредвиденные бедствия заставляли взрослых, сильных мужчин рыдать в три ручья — к этому он давно привык. Но с тем, чтобы человек начинал беззвучно плакать еще до того, как успевал вымолвить хоть слово, он сталкивался впервые, и проигнорировать это зрелище просто не мог.

— Тетушка Чжан — женщина добросердечная... Пожалуй, я пойду с тобой, — подумал Сюэ Фэйфэн, чувствуя, что сегодняшний день с самого утра пошел наперекосяк.

Не могло же всё дело быть в том, что он слишком давно не видел женщин?

Шэнь Цинжань, чья скверная натура была ему прекрасно известна, всего-то пролил пару притворных слезинок, а он сам почему-то вдруг стал таким уступчивым.

Мужчина покачал головой, прогоняя наваждение, и первым зашагал вперед.

Дом тетушки Чжан находился в самой деревне, а значит, по пути им неизбежно должно было встретиться множество людей. В прежние времена покойные родители Ли Фэна тоже жили там, но когда они ушли из жизни, у него не нашлось средств даже на приличные похороны. Ему пришлось продать семейный дом и перебраться на окраину, к самому подножию горы.

В это время навстречу им шла госпожа Цай с корзиной для грязного белья в руках. Завидев Шэнь Цинжаня еще издали, она демонстративно закатила глаза.

Обида за испорченный песком рис всё еще горела в ее груди, поэтому, заметив вернувшегося Ли Далана, она хитро прищурилась и ускорила шаг, преграждая им путь.

— О, Далан! Наконец-то ты вернулся! — громко запричитала она. — Твоя благоверная — трусиха редкостная, по ночам одна спать боится. Ей, видишь ли, обязательно нужно, чтобы целая толпа здоровых мужиков её до самого утра стерегла, только тогда она будет чувствовать себя в безопасности. Ты уж больше не уезжай так надолго. А то вдруг она забеременеет, так со страху ночью еще скинет ребенка в пустой комнате! Много ли ты заработаешь на перепродаже своих травок? Лучше бы шел с моим Дачжуном на охоту: шкуры сейчас в цене, да и при жене всегда будешь.

С этими словами госпожа Цай с притворным дружелюбием мертвой хваткой вцепилась в руку Шэнь Цинжаня. Заметив, какая у того нежная и белая кожа, она с силой несколько раз потерла его ладонь своей мозолистой рукой.

От этих прикосновений тыльная сторона кисти Шэнь Цинжаня мгновенно пошла красными пятнами. Вырвать руку никак не получалось, и он лишь яростно сопел от бессильной злобы.

«Я обязан начать тренироваться! Обязательно! Каждый божий день меня укладывает на лопатки какая-то деревенская баба, это вообще как?!» — бушевал он про себя.

Тем временем госпожа Цай продолжала вдохновенно очернять Шэнь Цинжаня в глазах мужа, недвусмысленно намекая на распутный нрав его супруги, которая якобы умудрялась за одну ночь управляться с несколькими мужчинами:

— В вашем роду Ли уже три поколения как единственный сын рождается, так что тебе стоит получше беречь свое сокровище.

Госпожа Цай презрительно покосилась на плоский живот Шэнь Цинжана, словно говоря: «Когда родит, ты еще трижды подумай, твоего ли рода эта кровь».

Шэнь Цинжань едва не прыснул от смеха. С трудом сдерживая хохот, он даже согнулся пополам, придерживая рукой ноющий от голода и спазмов живот, отчего лицо его забавно перекошилось.

Какое уж там «понесет»! Сюэ Фэйфэн и в мыслях не держал ложиться с ним в одну постель, да даже если бы они делали это каждый день, мужчина чисто физически не способен родить ребенка.

Шэнь Цинжань смеялся до слез, его глаза лихорадочно блестели, как вдруг он наткнулся на помрачневший, тяжелый взгляд Сюэ Фэйфэна. Веселье тут же испарилось, парень замер как вкопанный, внезапно осознав, что из-за язвительных речей госпожи Цай над головой его сурового мужа только что во всей красе засияли невидимые зеленые рога рогоносца.

«Всё, мне конец».

Шэнь Цинжань приложил нечеловеческие усилия, чтобы наконец вырвать свою ладонь из цепких пальцев госпожи Цай. Он тут же ухватил Сюэ Фэйфэна за руку и принялся лихорадочно писать на его ладони: «Они просто приходили поесть».

Закончив, он поднял глаза на Сюэ Фэйфэна и едва заметно покачал головой. В его чистом, встревоженном взгляде читалась такая горькая обида, словно несправедливо обвиненный ребенок изо всех сил тянул взрослого за рукав, умоляя просто поверить ему.

«Я вообще-то парень! Мои слова — чистая правда!»

Сюэ Фэйфэн, вспомнив, с какой космической скоростью из дома исчезли все запасы продовольствия, просто не знал, что сказать.

Хоть он и не считал Шэнь Цинжана настоящей женой, он всё же исправно обеспечивал его едой и кровом, относился с должным почтением и старался ни в чем не отказывать, поэтому сейчас на душе у него было довольно скверно.

На уровне чувств ему почему-то отчаянно хотелось поверить этому умоляющему взгляду, но холодный рассудок твердил, что после стольких ночей в компании мужчин в доме просто не могло ничего не произойти.

Спустя мгновение Сюэ Фэйфэн мысленно посмеялся над собой. Ни военные советы, ни дела государственной важности ни разу не заставляли его так хмурить брови, с какой стати он топчется на месте из-за подобных пустяков? Он слегка сжал ладонь в кулак, и как только едва уловимое, щекочущее ощущение от прикосновений пальцев Цинжана окончательно исчезло, невозмутимо скомандовал:

— Идём.

Шэнь Цинжань понятия не имел, о чем думает его спутник, но, услышав это короткое слово, мгновенно просиял. Он походил на побитый морозом баклажан, который внезапно согрели первые лучи весеннего солнца — ожил, расправил плечи и буквально заструился жизненной силой.

Госпожа Цай, наблюдавшая за тем, как эти двое после короткого безмолвного разговора как ни

в чем не бывало помирились, полностью проигнорировав ее ядовитое предупреждение, тяжело задышала от нахлынувшей злости.

Вспомнив, как странно Шэнь Цинжань только что кривился и придерживал рукой низ живота, ее осенило: «Неужто и впрямь нагуляла?!»

Посмотрев на его шаткую, слабую походку, женщина лишь сильнее уверилась в своей догадке. Она со злостью сплюнула им вслед:

— Поделом тебе, будешь растить чужого ублюдка!

Последние два дня она лишилась сна, стоило ей вспомнить испорченный Шэнь Цинжанем рис. При каждом удобном случае она собирала вокруг себя деревенских кумушек и, щедро сгущая краски, во всех деталях расписывала те «непристойности», которые якобы творились в доме Ли Далана.

Местные женщины замужние и молодые невестки с упоением слушали эти грязные сплетни, отчего госпожа Цай окончательно возгордилась и с нетерпением ждала возвращения хозяина дома.

Реакция Ли Фэна ее разочаровала. Но если этот тьюфак не против, чтобы его женушка путалась с кем попало, неужели он и бастарда согласится признать своим?

Госпожа Цай шла, то и дело злорадно оборачиваясь и проклиная род Ли на полное вымирание, как вдруг не заметила впереди глубокую рытвину и с криком: «Ай-ё!» — полетела кубарем, знатно раскровив себе все лицо о землю.

Дом тетушки Чжан стоял на самом западном краю деревни, замыкая собой длинный ряд крестьянских дворов. Сбоку от дома, за невысоким плетнем, рос густой плодовый сад, где мирно паслись куры, утки и несколько крупных белых гусей.

Ветви мандариновых и хурмовых деревьев ломились от тяжелых, ярко-оранжевых плодов, создавая праздничную атмосферу богатого осеннего урожая.

Шэнь Цинжань с трудом сглотнул набежавшую слюну и заставил себя отвести взгляд, изо всех сил стараясь сохранять невозмутимость и достоинство молодого господина из высшего общества.

— Кто там?.. О, Фэн-эр пришел? — тетушка Чжан отворила дверь и, увидав Сюэ Фэйфэна, искренне и тепло улыбнулась.

Но стоило её взгляду переместиться на стоящую позади «невестку», как улыбка на её лице заметно приугасла.

Сюэ Фэйфэн всё еще не до конца привык к этому деревенскому имени, поэтому лишь сдержанно кивнул:

— Здравствуйте, тетушка. Я пришел просить вас о помощи.

— Ну, тогда... проходите скорее в дом, — радушно распахнула дверь женщина, приглашая его и Шэнь Цинжаня внутрь.

В деревне Лицзяцунь не было человека, который бы не знал о поступках Шэнь Цинжаня, и все

с нетерпением ждали возвращения мужа, чтобы вдоволь посмеяться над его позором. И лишь тетушка Чжан искренне переживала за парня.

Она была дружна с покойными родителями Ли Фэна и не могла спокойно смотреть на то, как этот честный малый страдает из-за такой непутевой, расточительной супруги.

Последние дни она буквально не находила себе места от тревоги: когда она видела, как в дом Ли один за другим направляются семеро или восьмеро здоровых парней, она порывалась пойти и вразумить невестку, но сын с невесткой каждый раз удерживали её.

Младшая невестка тогда резонно заметила:

— Матушка, даже если сам брат Ли станет её отчитывать, не факт, что будет толк. А уж вас она и подавно слушать не станет. В её доме сейчас полно народу, если начнется ссора, вам же первой и достанется.

Поразмыслив, тетушка Чжан поняла, что у неё действительно нет законных прав вмешиваться, и оставила эту затею. Она целиком и полностью была на стороне Ли Фэна. Если этот случай поможет парню наконец открыть глаза и увидеть истинное лицо своей благоверной — тем лучше.

Этот ребенок был слишком мягкосердечным: помня о том, как в свое время семья Шэнь одолжила его родителям деньги на лечение, он почитал Шэнь Цинжана чуть ли не как предка, беспрекословно исполняя любые капризы.

Посмотрев на Шэнь Цинжана снова, тетушка Чжан смутно ощутила, что в поведении невестки что-то изменилось, но никак этого не показала.

Сюэ Фэйфэн поначалу не слишком доверял злым речам госпожи Цай, но заметив точно такую же настороженную реакцию тетушки Чжан, утвердился в своих подозрениях.

Что ж, черного кобеля не отмоешь добела. Очевидно, вся эта сегодняшняя угодливость и заискивания со стороны Шэнь Цинжана объяснялись простым страхом: супруга поняла, что натворила дел, и теперь боялась, что ее вышвырнут из дома и больше некому будет оплачивать ее бездонный аппетит.

Взгляд Сюэ Фэйфэна стал еще холоднее.

Шэнь Цинжань, который впервые за долгое время не получил от постороннего человека порцию презрительных плевков, почувствовал себя глубоко тронутым.

Он услышал, как Сюэ Фэйфэн вежливо обратился к хозяйке дома:

— Моя Цинжань очень гостеприимна, поэтому наши запасы риса, муки и масла подошли к концу. Если у вас найдутся излишки зерна, не могли бы вы продать нам немного?

«Надо же, как благородно и красиво он это преподнес!» — Шэнь Цинжаню самому стало совестно за свои грехи, и он, спрятавшись за широкую спину Сюэ Фэйфэна, принялся усердно кивать головой, словно цыпленок, клюющий зерно.

«Спасите несчастного ребенка, я два дня нормальной еды не видел!»

— Ну что за глупости, разве можно с соседей деньги брать? — запричитала тетушка Чжан и

ловко выудила из сундука холщовый мешок, насыпав туда отборного риса до самого верха. После чего спросила: — А глиняные кувшины вы с собой взяли?

— Да, взяли.

Шэнь Цинжань шустро снял пустые кувшины из-под масла и соли, которые висели на костылях Сюэ Фэйфэна. Мужчина до последнего настаивал на том, чтобы нести их самому — очевидно, опасаясь, что изнеженная «супруга» по дороге сочтет их слишком тяжелыми и просто вышвырнет в кусты.

Ведь прежний хозяин тела славился тем, что любил вальяжно разгуливать по деревне с полной миской еды в руках, а на полпути, устав держать посуду, бросал всё прямо в грязь и преспокойно возвращался домой налегке.

За пару месяцев такой жизни в доме осталось всего две несчастные плоски.

Тетушка Чжан переводила взгляд то на белокожего, румяного Шэнь Цинжаня, то на безропотно сносящего все тяготы Сюэ Фэйфэна, и мысленно вздыхала: «Неужто наш Фэн-эр до такой степени околдован этой смазливой мордашкой?»

Когда всё было упаковано, Шэнь Цинжань протянул женщине осколок серебра и тепло улыбнулся в знак благодарности.

— Нет-нет-нет, это никуда не годится! Всё ведь со своего огорода, оно и малой доли этих денег не стоит! — заговорила тетушка Чжан, отпрянув от серебра с таким выражением лица, словно Шэнь Цинжань подносил ей порцию чистейшего яда.

Парень растерянно посмотрел на Сюэ Фэйфэна — в прошлой жизни ему никогда не приходилось сталкиваться с подобными бытовыми спорами.

— Если тетушка Чжан откажется принять плату, то и мы не посмеем взять эти припасы. Нам придется уйти, — ровным тоном произнес Сюэ Фэйфэн.

— Ну хорошо, хорошо... Тогда я пойду отсчитаю вам еще три десятка свежих яиц. Как раз собиралась завтра везти их на продажу в уездный город, — тетушка Чжан мягко потянула Шэнь Цинжаня за рукав. — Пойдем со мной во двор, нарвешь себе свежих фруктов, а то они так и сгниют на ветках на радость птицам.

Шэнь Цинжань понял, что женщина хочет поговорить с ним с глазу на глаз, и послушно последовал за ней.

Тетушка Чжан закинула за спину плетеную корзину и принялась осторожно, тщательно подбирая слова, наставлять невестку:

— Фэн-эр ведь для тебя душу наизнанку выворачивает, ни к какой тяжелой работе тебя не подпускает, в деревне все девки иззавидовались. У него обе ноги покалечены, ты уж тоже старайся помогать ему в быту, поддерживай. Жизнь прожить — не поле перейти, нужно опорой друг другу быть... Эх, ладно, что это я, старая, разболталась. На, попробуй, сладкая хурма-то?

Шэнь Цинжань опустил взгляд на разломленный плод хурмы: сочная, спелая мякоть источала восхитительный медовый аромат. Отыгрывая роль немого, он не мог дать женщине никаких клятвенных обещаний, поэтому лишь послушно закивал и глуповато, но искренне улыбнулся во

весь рот.

Тетушка Чжан вздохнула:

— Я ведь тоже всё понимаю... Если у вас дома совсем нечего есть, ступай на край деревни, к тому полю, где стоит соломенное пугало. Бери оттуда любые овощи, какие приглянутся, у нас их всё равно девать некуда, сами не проедаем.

Шэнь Цинжань, не зная, как к такой щедрости отнесется Сюэ Фэйфэн, инстинктивно обернулся в сторону дома. До самого мужчины он доглядеть не успел, поскольку его взгляд лоб в лоб столкнулся с массивным, упитанным домашним гусем.

Из тех боевых гусей, что способны в одиночку раскидать пятерых таких хлипких созданий, как Шэнь Цинжань.

Сердце парня бешено заколотилось, и его пронзило дурное предчувствие.

Пять, четыре, три, два...

Глаза огромного гуся налились яростью. С диким шипением он расправил мощные белоснежные крылья, вытянул шею и на полной скорости, подобно урагану, бросился прямо на Шэнь Цинжаня.

«Черт возьми! Мы с тобой в прошлой жизни не ладили, что ли?!»

От ужаса Шэнь Цинжань выронил хурму прямо в грязь. Спустя пару секунд ступора он резко сорвался с места и, испуганно прижимая руки то к лицу, то к заднице, с дикими воплями помчался обратно под защиту Сюэ Фэйфэна.

— У-у... У-у-у!.. — доносилось из его горла.

Услышав полные паники беззвучные всхлипы, Сюэ Фэйфэн поспешно выглянул во двор и узрел неописуемую картину: Шэнь Цинжань мчался к нему на всех парусах, а за его пятками, яростно хлопая крыльями, летел огромный гусь. Это была погоня не на жизнь, а на смерть.

Мужчина еще никогда не видел, чтобы его ленивая «супруга» передвигалась так стремительно и ловко!

У Шэнь Цинжаня от страха едва слезы не брызнули из глаз. В его прежнем кругу богатых наследников было модно выезжать компаниями в так называемые «эко-деревни» на отдых. Сам он подобные авантюры всегда игнорировал, но краем уха слышал истории о том, как кого-то там покусали деревенские гуси.

Тогда он лишь посмеялся над приятелями, окончательно укрепившись во мнении, что сельская жизнь — не для него.

И надо же, карма настигла его так быстро!

В первую секунду паники он, не думая, бросился за помощью к мужу, но стоило ему подбежать ближе и увидеть Сюэ Фэйфэна, который беспомощно стоял на крыльце, опираясь на костыли, как Шэнь Цинжань резко затормозил, едва не пропахав носом землю от инерции.

«Если я продолжу бежать на него, я же просто сшибу его с ног! Да даже если и не сшибу, что если эта бешеная птица переключится и искалечит Сюэ Фэйфэна еще сильнее?!»

Шэнь Цинжань в отчаянии топнул ногой, зажмурился, стиснул зубы и с истинным самопожертвованием развернулся лицом к крылатому чудовищу...

В конце концов, двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Вот только что лучше прикрыть руками — лицо или всё-таки тыл?..

Однако, обернувшись, он обнаружил, что грозный гусь, только что летевший на него аки коршун, вдруг споткнулся у самых ступеней, нелепо завалился на бок, пару раз слабо дернул белоснежным крылом и затих.

«Он что... просто взял и насмерть расшибся?» — Шэнь Цинжань стоял с разинутым от изумления ртом.

Сюэ Фэйфэн незаметно убрал руку в складки одежды и, повернувшись к запыхавшейся, подбежавшей следом тетушке Чжан, с виноватой улыбкой произнес:

— Извините, тетушка, доставили мы вам хлопот. Раз уж так вышло, мы заберем этого гуся и тоже заплатим за него.

С этими словами он протянул еще один серебряный осколок. Шэнь Цинжань перехватил монету и вложил её в ладонь женщины. Его пальцы всё еще мелко дрожали — наполовину от пережитого испуга, наполовину от дикого голода.

На этот раз тетушка Чжан наотрез отказалась брать деньги.

— Неси птицу домой, — скомандовал Сюэ Фэйфэн.

Сам он нес тяжелый мешок с рисом, поэтому почетная обязанность нести тушку гуся легла на плечи Шэнь Цинжаня.

Парень робко коснулся кончиками пальцев белых перьев, как вдруг гусь слабо дернулся. Шэнь Цинжань с криком рухнул на пятую точку и спешно отполз назад на пару метров.

Он... он шевелится! Он живой!

Сюэ Фэйфэн: «...»

Тетушка Чжан долго смотрела вслед удаляющейся парочке. Один — калека с перебитыми ногами, который тащил на себе и тяжелый мешок, и периодически брыкающегося огромного гуся. А вторая... лучше и не говорить, выглядела так, словно в этом теле не было ни единой капли сил.

Женщина не удержалась, спрятала руки в рукава и тихонько пробормотал под нос:

— Надо же... Неужто наш Фэн-эр... неужто он из этих... подкаблучников?

За ужином тетушка Чжан поделилась своими мыслями с невесткой. Молодая женщина из рода Ю немного подержала паузу, а затем нерешительно произнесла:

— Матушка, вас тогда не было дома, поэтому вы не знаете. Жена брата Ли приходила к нам два дня назад. Заявила, что у нее все куры и утки закончились, и она желает отведать этого гуся, а как муж вернется — он за всё заплатит. Она тогда еще долго тыкала в птицу палкой через забор. Так что они эту вражду еще два дня назад затаили, гусь её просто запомнил.

Когда пришло время готовить обед, Шэнь Цинжань первым делом сварил и съел сразу четыре яйца. Насытившись, он устроился на корточках перед связанным гусем, в растерянности чеша в затылке и совершенно не понимая, что с ним делать дальше.

Сварить и съесть?

Но он где-то слышал, что птице сперва нужно пустить кровь и ощипать все перья? Ничего подобного он делать не умел.

В конце концов Шэнь Цинжань оттащил оглушенную птицу в пустой загон и захлопнул дверцу:

— Ладно, есть я тебя не буду. Живи пока, надейся на лучшее.

Выйдя во двор, он увидел, что Сюэ Фэйфэн раскладывает на солнце сушиться различные целебные травы. Среди кучи корней обнаружился даже небольшой кустик, корни которого были бережно обернуты влажной землей.

Шэнь Цинжань подошел, присел перед мужчиной на корточки и любопытно склонил голову набок: «?»

Сюэ Фэйфэн демонстративно отвернулся в другую сторону, проигнорировав его безмолвный вопрос.

Шэнь Цинжань послушно переместился следом и снова заглянул ему в лицо: «?»

Сюэ Фэйфэн вздохнул:

— ...Это лекарство для моих покалеченных ног. Лекарь сказал, что в дождливую погоду суставы будет сильно ломить, если заварить эти травы и выпить отвар, боль утихнет.

Шэнь Цинжань осторожно пошевелил пальцем зеленые листочки живого кустика: «А это тогда зачем?»

— Это саженец синего дудника. Его листья — один из главных компонентов отвара, они должны быть исключительно свежими. Поэтому пришлось выкопать его целиком вместе с корнем, чтобы посадить здесь.

Сюэ Фэйфэн в очередной раз мысленно поразился: этот немой человек обладал удивительной способностью превращать любого скрытного человека в форменного болтуна.

Заметив, как Шэнь Цинжань после его слов тут же поспешно ретировалась — словно испугалась, что если задержится хоть на секунду, ее заставят копать яму под посадку, — мужчина лишь молча покачал головой и продолжил аккуратно раскладывать травы на бамбуковой циновке.

Однако спустя некоторое время запыхавшийся и покрытый потом Шэнь Цинжань вернулся. Он с величайшей осторожностью нес в ладонях комков земли с корнями синего дудника, после чего бережно опустил саженец в свежевырытую лунку.

Он аккуратно присыпал корни землей, слегка утрамбовал её ладонями и вытер рукавом капли пота со лба, после чего шустро сбежал за водой и хорошенько полил растение.

Сюэ Фэйфэн не стал напоминать Шэнь Цинжаню, что сейчас солнце стоит в самом зените и сажать растения лучше всего на закате. В его суровом взгляде впервые за всё время

промелькнуло искреннее недоумение.

Посадка деревьев и работа с землей для прежней Шэнь Цинжання считалась неподъемным, каторжным трудом, ради которого она скорее согласилась бы лечь и умереть, но ни за что не прикоснулась бы к лопате.

Пальцы Сюэ Фэйфэна, перебиравшие целебные стебли, на мгновение замерли. Он пристально посмотрел на удаляющуюся спину Шэнь Цинжання, и выражение его лица сделалось предельно сосредоточенным и строгим.

Глубокой ночью, когда в деревне окончательно затих лай собак, незаметная темная тень бесшумно скользнула по крыше дома. Человек на кровле едва уловимо трижды стукнул по коньку — звук был настолько тихим, что его легко можно было принять за падение спелой шишки со старой сосны.

Спустя всего пару мгновений Сюэ Фэйфэн, который до этого сидел на кухне и следил за кипящим отваром, бесшумным плавным прыжком взмыл вверх и вместе с ночным гостем скрылся в густой тени безлюдной горной тропы.

— Господин, — негромко произнес человек в черном. Это был Чан Бай — один из личных гвардейцев Сюэ Фэйфэна, занимавший второе место в иерархии его приближенных.

В отличие от болтливой Чан Мина, который сопровождал генерала в прошлый раз, этот воин отличался редким немногословием.

— Как обстановка? — коротко спросил Сюэ Фэйфэн.

— Докладываю господину. Стоило вам покинуть лагерь, как старший принц государства Бэйхуэй повел свои войска на юг. Его армия продвигается стремительно, словно нож сквозь масло. Наследный принц уже сдал пять крупных городов, вся территория к северу от реки Юэхаэ объята хаосом и паникой. Император впал в неописуемую ярость и уже издал указ о спешном переносе столицы в Шэнцзин.

«Пусть гневается сколько душе угодно», — холодно подумал Сюэ Фэйфэн.

Если в государстве больше не осталось преданных и способных полководцев, готовых грудью защищать рубежи, правителю не останется ничего другого, кроме как трусливо бежать и переносить столицу.

«Сам вскормил тигра на свою погибель», — мысленно резюмировал он.

Еще три месяца назад Сюэ Фэйфэн никак не мог взять в толк, почему наследный принц несколько раз жестко пресекал его попытки одним сокрушительным ударом полностью уничтожить силы Бэйхуэй, чтобы раз и навсегда избавить страну от угрозы.

Оказалось, этот подлец тайне заключил сговор со старшим принцем Бэйхуэй.

План состоял в том, чтобы Сюэ Фэйфэн вытеснил вражеские войска к району Пуянь, где для него уже была приготовлена смертельная ловушка. А не давали ему завершить войну быстрой победой лишь потому, что в тот момент «могила» для его армии еще не была выкопана до конца.

Вот только разве старший принц Бэйхуэй мог удовлетвориться лишь одной головой

строптивного генерала?

В глазах Сюэ Фэйфэна блеснула леденящая, жестокая сталь.

Предательство наследного принца, обманом заманившего его в кольцо окружения, было полбеда. По-настоящему страшным было то, что ни один человек при дворе — включая самого Императора — не возвысил голос в его защиту.

Стотысячное войско проливало кровь за мир и покой империи, годами не вылезая из грязных приграничных окопов, а в итоге было предательски закопано заживо по приказу правящей династии.

От такой черной неблагодарности у любого воина сердце превратилось бы в кусок льда!

— Как думаешь, когда войска Бэйхуэй форсируют реку Юэхэ? — безучастно поинтересовался Сюэ Фэйфэн.

Чан Бай ненадолго задумался и ответил:

— Самое позднее — с первыми весенними оттепелями. — Более крамольные мысли он озвучивать не стал, но и без слов было ясно: если дела и дальше пойдут в таком ключе, не пройдет и года, как империя прекратит свое существование.

Чан Бай прекрасно знал, что его господин твердо решил полностью отстраниться от военных дел и не вмешиваться в эту бойню, поэтому, исполнив долг и доставив вести, он собрался было откланяться.

Перед уходом Чан Бай бросил мимолетный взгляд на единственный светящийся огонек у подножия горы, где в окне дома Ли смутно угадывался чей-то силуэт. Если его зрение не обманывало его, это ведь было окно личной опочивальни господина?

В комнату господина теперь можно беспрепятственно входить кому угодно?!

Странно. Когда он уходил отсюда в прошлый раз, эти двое спали строго в разных комнатах, разве нет?

Чан Бай замялся, явно желая что-то сказать. В глубине души он считал, что такой никчемный и вздорный человек, как Шэнь Цинжань, совершенно не пара его великому господину.

Но если господину вдруг стало угодно приблизить ее к себе...

Возможно, в следующий раз, когда Чан Мин соберется навестить генерала, стоит велеть ему прихватить какой-нибудь подарок для хозяйки дома? В этой глуши ведь ничего приличного не сыскать, так что дорогая рисовая пудра или качественные румяна, какими пользуются знатные наложницы во дворце, пришлись бы очень кстати...

Пусть Чан Бай и отличался молчаливостью, мысли в его голове роились с бешеной скоростью, к тому же у него имелся свой особый талант: он умудрялся «молчать» так выразительно, что уже завтра вся их тайная гвардия знала бы о «переменах в личной жизни генерала».

Сюэ Фэйфэн строго оборвал полет его фантазии:

— Не забивай голову глупостями.

Чан Бай мгновенно принял самый невозмутимый и преданный вид.

— В прошлый раз, когда мы с Чан Мином разговаривали на этой тропе, Шэнь Цинжань как раз находилась на склоне горы, — негромко продолжил Сюэ Фэйфэн.

Он всерьез подозревал, что она могла случайно подслушать их разговор. Именно этим можно было объяснить то, что всего за один день после его возвращения характер «супруги» изменился до неузнаваемости.

Сил у нее не прибавилось, но преданности и заискивания в глазах стало даже больше, чем у Чан Мина. Ему как-то доводилось слышать, что если у человека отнимается один из органов чувств (например, речь), то остальные чувства и проницательность обостряются в разы.

— Что?! — Чан Бай не на шутку встревожился.

Наследный принц до сих пор ищет господина, а раны генерала еще не затянулись до конца. Если эта Шэнь Цинжань затаила дурные мысли и решит выдать их, последствия будут катастрофическими.

— В таком случае, позвольте подчиненному пойти и...

Буквально секунду назад он размышлял о покупке дорогой пудры и румян, а сейчас уже был готов одним взмахом клинка оборвать чужую жизнь.

— Не нужно, — Сюэ Фэйфэн остановил его жестом руки. — Это всего лишь мои догадки.

— Но как же тогда ваши покои?.. — Чан Бай искренне не понимал, как можно позволять человеку, находящемуся под подозрением, беспрепятственно хозяйничать в личной комнате генерала.

При упоминании об этом у Сюэ Фэйфэна снова слегка разболелась голова.

Шэнь Цинжань наотрез отказался возвращаться в свои покои, заявив, что в его комнате невозможно находиться, и буквально вынудил позволить ему спать на полу в комнате мужа.

Парень мертвой хваткой вцепился в его ладонь и исписал её бесконечными, полными слезливых мольб фразами. Пользуясь тем, что Сюэ Фэйфэн разыгрывал немощного калеку и не мог резко подняться без костылей, Шэнь Цинжань канючил и умолял до тех пор, пока у сурового воина просто не осталось сил спорить.

Еще полмесяца назад эта девушка шарахалась от него как от дикого зверя, а узнав, что они будут спать в разных комнатах, на радостях смолотила целых три миски риса за один присест. С чего вдруг ее отношение изменилось на сто восемьдесят градусов?

— В этом нет ничего страшного. Если она начнет рыться в моих вещах, это лишь докажет, что у нее на уме недоброе, — Сюэ Фэйфэн махнул рукой, отпуская слугу, но в самый последний момент окликнул его: — И еще. В следующий раз принеси мне стопку хорошей чистой бумаги.

В этой глухой деревне не было частных школ, и дети отродясь не держали в руках книг, так что письменные принадлежности здесь были на вес золота. Сюэ Фэйфэн больше физически не мог терпеть, когда Шэнь Цинжань при каждом удобном случае хватал его за руку и принимался выводить иероглифы прямо на его ладони.

В конце концов, мужчина и женщина не должны без нужды касаться друг друга.

<http://bllate.org/book/17933/1719584>